И. М. Оранский

ДРЕВНЕИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ДРЕВНЕИРАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В СССР (1917—1970)

§§ 1—3. Общее. Уровень развития древнеиранской филологии и древнеиранского языкознания в стране к 1917 г. Формирование и развитие научных центров в советский период. Характерные черты развития древнеиранских исследований в СССР. §§ 4—6. Авеста и язык Авесты. §§ 7—10. Древнеперсидские надписи и древнеперсидский язык. §§ 11—12. Среднеперсидские тексты и среднеперсидский язык. §§ 13—17. Согдийские тексты и согдийский язык. §§ 18—19. Памятники хорезмийской письменности и хорезмийский язык. § 20. Памятники парфянской письменности и парфянский язык. § 21. Памятники бактрийского (тохарского) письма. Бактрийский («этео-тохарский») язык. § 22. Памятники сакской (хотанской) письменности и сакский (хотанский) язык. §§ 23—25. Древнеиранское языкознание (Scytho-Alanica; изучение языковых отношений между иранскими и неиранскими языками; сравнительно-историческое иранское языкознание).

§ 1. *Общее.* Древнеиранская филология в узком смысле слова — чтение и толкование текстов на древнеиранских языках — всегда развивалась в тесной и неразрывной взаимосвязи с древнеиранским языкознанием, и обе эти дисциплины представляют по существу два различных аспекта единой науки, имеющей своим предметом комплексное изучение памятников древнеиранской письменности. Сказанным определяются рамки настоящего обзора. Основная его цель — проследить важнейшие линии развития древнеиранской филологии и древнеиранского языкознания в СССР в их взаимосвязи с развитием родственных дисциплин. Работы исторического, историко-культурного и специально лингвистического характера привлекаются лишь в той мере, в какой они основаны на древнеиранских текстах или направлены на их интерпретацию.

§ 2. *Уровень развития древнеиранской филологии и древнеиранского языкознания в стране к 1917 г.* К 1917 г. в России уже сложилась прочная традиция изучения памятников древнеиранской письменности и университетского преподавания древнеиранских языков, на которую могли опираться советские ученые, работавшие в этой области. Эта традиция была создана главным образом трудами К. А. Коссовича, К. Г. Залемана (Авеста, древнеперсидские, среднеперсидские и согдийские тексты) и В. Ф. Миллера (скифо-аланская проблематика в тесной ее связи с историей осетинского языка) [1].

[1] Об истории древнеиранской филологии в дореволюционный период см. «Материалы для истории Факультета восточных языков», т. IV. Обзор деятельности Факультета, 1855—1905, сост. В. В. Бартольдом. С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 года, СПб., 1909; Б. В. Миллер, Труды русских ученых в области иранского языкознания, «Уч. зап. МГУ», вып. 107, 1946, стр. 71—85; И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 355—395 (там же, стр. 396—452 — основная литература); он же, Древнеиранская филология и иранское языкознание, в кн. «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», М., 1972, стр. 305—339; М. Н. Боголюбов,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

§ 3. *Формирование и развитие научных центров в советский период. Характерные черты развития древнеиранских исследований в СССР.* Великая Октябрьская социалистическая революция знаменовала наступление нового, советского периода развития древнеиранской филологии и древнеиранского языкознания; этот период характеризуется рядом качественно новых черт. Это, во-первых, расширение старых (Ленинград, Москва) и создание новых (Ташкент, Самарканд, Душанбе, Баку, Ереван, Тбилиси, Орджоникидзе, Цхинвали) иранистических центров. Во-вторых, целенаправленная подготовка исследовательских кадров, работающих в области изучения памятников древнеиранской письменности и древнеиранских языков. В-третьих, создание и интенсивное развитие новых отраслей древнеиранской филологии и древнеиранского языкознания, связанное в первую очередь с невиданным размахом археологических работ на территории Средней Азии. Если в дореволюционный период не было известно ни одного сколько-нибудь значительного памятника древнеиранской письменности, происходящего с территории Средней Азии, то с 30-х годов нашего века благодаря работам советских ученых здесь были найдены, а затем описаны и интерпретированы уникальные документы местного происхождения на согдийском, хорезмийском, парфянском и бактрийском языках, обширные эпиграфические и нумизматические материалы. В качестве новой для советской науки области должно быть названо также изучение памятников сакского (хотанского) языка. В-четвертых, теснейшая взаимосвязь и взаимопроникновение филологических и лингвистических исследований памятников древнеиранской письменности, с одной стороны, и исследований исторических, историко-культурных — с другой. Можно сказать, что только в рассматриваемый период древнеиранская филология и древнеиранское языкознание стали по-настоящему служить делу изучения истории и истории культуры народов Средней Азии, Кавказа и Закавказья.

Филологические и лингвистические исследования памятников древнеиранской письменности в их теснейшей взаимосвязи с исследованиями в области сравнительно-исторического иранского языкознания получили наибольшее развитие в Ленинграде. Здесь сложилась советская школа древнеиранской филологии и сравнительно-исторического иранского языкознания, основанная проф. А. А. Фрейманом (1879—1968) [2],— школа, из которой вышли почти все советские иранисты [3]. В Ленинграде же сложилась советская школа историков древнего Востока, основанная академиком В. В. Струве (1889—1965) [4]. В. В. Струве и его ученики, широко используя в своих исследованиях данные Авесты и древнеперсидских надписей, приняли участие в истолковании этих памятников, содержащихся в них этнических и социальных терминов и т. п. Большее или меньшее участие в чтении и толковании памятников среднеиран-

---

А. Н. Болдырев, Кафедра иранской филологии, «Уч. зап. ЛГУ», № 296, «Страны и народы Востока», вып. 13, 1960, стр. 111—122; В. И. Абаев, Сравнительно-историческое иранское языкознание, «Очерки по истории изучения иранских языков», М., 1962, стр. 3—7; С. Н. Соколов, Изучение мертвых иранских языков в России и СССР, там же, стр. 8—15.

[2] См. С. Ольденбург, Ф. Щербатской, И. Крачковский, Записка об ученых трудах проф. А. А. Фреймана, «Известия АН СССР», VII сер., 1928, № 8—10, стр. 483—485; И. М. Оранский, Александр Арнольдович Фрейман (к 80-летию со дня рождения), ПВ, 1959, № 4, стр. 217—222 (с библиографией трудов); см. также КСИНА, 67, 1963, стр. 3—10 (с дополнениями к библиографии); И. М. Оранский, Памяти учителя, НАА, 1968, № 3, стр. 224—227.

[3] О работах ленинградских иранистов см. М. Н. Боголюбов, Иранское языкознание в Ленинграде (1917—1957), УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 303—318; см. также «Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР (1818—1968)», стр. 305—399.

[4] См. «Творческий путь академика Василия Васильевича Струве (к 70-летию со дня рождения)», ВДИ, 1959, № 1, стр. 212—218; см. также ВДИ, 1964, № 1, стр. 218—220; 1966, № 1, стр. 3—8 (некролог). Библиография работ (по 1958 г.) в кн. «Академик В. В. Струве. Библиографическая справка» [сост. С. Д. Милибанд], М., 1959; за 1959—1965 гг. в кн. «Древний Египет и древняя Африка. Сборник статей, посвященных памяти академика В. В. Струве», М., 1967, стр. 5—7.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ской письменности (среднеперсидских, парфянских, согдийских) приняли также ленинградские историки Ближнего Востока и Сасанидского Ирана (Н. В. Пигулевская [5] и др.), семитологи и другие специалисты. С деятельностью выходцев из ленинградской иранистической школы связано в значительной мере развитие древнеиранской филологии и древнеиранского языкознания в Москве (В. И. Абаев [6], В. С. Расторгуева), а также в Таджикистане (А. А. Фрейман, С. И. Климчицкий, В. А. Лившиц, И. М. Оранский, Р. Х. Додыхудоев и др.) и других республиках Средней Азии и Закавказья (Грузия, Азербайджан).

Традиция изучения памятников древнеиранской письменности и университетского преподавания древнеиранских языков сложилась в советское время также в Тбилиси (Г. С. Ахвледиани [7] и его ученики) [8] и Ереване (проф. Р. Абрамян и его ученики).

АВЕСТА И ЯЗЫК АВЕСТЫ (§§ 4—6)

§ 4. *Первые советские работы по Авесте. Переводы авестийских текстов. Авеста как литературный памятник. Язык Авесты.* Первые советские работы, специально посвященные Авесте и авестийскому языку, вышли из-под пера советских иранистов старшего поколения: Ф. А. Розенберга (1867—1934) [9], А. А. Фреймана, Е. Э. Бертельса, Г. С. Ахвледиани. Это были небольшие этимологические заметки (А. А. Фрейман), переводы авестийских текстов (А. А. Фрейман, Е. Э. Бертельс, Г. С. Ахвледиани), рецензии (Ф. А. Розенберг) и критические обзоры зарубежных трудов по авестийской проблематике (Е. Э. Бертельс). Переводы из авестийских текстов публиковались также В. И. Абаевым [10].

Авестой как литературным памятником и памятником народно-поэтического творчества занимались в связи с историей персидской и таджикской литературы Е. Э. Бертельс [11] и И. С. Брагинский [12]. Попытка (не во всем удачная) охарактеризовать Авесту как литературный памятник и как источник для анализа экономического быта и социальной структуры общества была предпринята в 50—60-е годы покойным бакинским философом А. О. Маковельским [13].

Две специальные работы по языку Авесты — грамматический очерк [14] и хрестоматия со словарем и грамматическими приложениями [15] — опубликованы в начале

[5] См. В. Струве, К. Старкова, А. Лундин, Нина Викторовна Пигулевская, КСИНА, 86, 1965, стр. 5—15 (со списком печатных работ); НАА, 1970, № 3, стр. 242—244 (некролог).

[6] См. М. И. Исаев, Славный путь ученого, «Известия Северо-Осетинского научн. иссл. ин-та», т. XXII, вып. 1, 1960, стр. 5—28 (со списком трудов).

[7] См. Ш. В. Дзидзигури, Георгий Сариданович Ахвледиани, «Известия АН СССР, сер. яз. и лит-ры», вып. 3, 1967, стр. 286—287; Д. И. Кобидзе, Дж. Ш. Гиунашвили, Жизнь и деятельность Г. С. Ахвледиани, «Труды Тбил. гос. ун-та», т. 121, 1967 (на груз. яз.), стр. 11—20.

[8] О работах по древнеиранской филологии в Тбилиси см. В. Г., Изучение языков и истории древневосточных стран в Грузии, ВДИ, 1959, № 2, стр. 220—223; Д. И. Кобидзе, Иранская филология в Грузии, Тбилиси, 1971 (с библиографией).

[9] См. С. Ольденбург, Записка об ученых трудах Ф. А. Розенберга, ИРАН, сер. VI, т. XVII, 1923, стр. 369—370; И. Ю. Крачковский, Ф. А. Розенберг (1.III.1867 — 5.VI.1934). Некролог, в кн. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, 1958, стр. 372—385 (со списком работ).

[10] См. в кн. «Хрестоматия по истории древнего Востока», Под ред. акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера, М., 1963, стр. 349—350, 367—370.

[11] См. Е. Э. Бертельс, История персидско-таджикской литературы, в кн. Е. Э. Бертельс, Избранные труды, М., 1960, стр. 31—66.

[12] См. И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности, М., 1956, стр. 84 сл., 174—206 и др.; он же, Об истоках различения поэзии и прозы (на примере двух памятников древневосточной письменности), НАА, 1969, № 4, стр. 137—144, и другие работы.

[13] А. О. Маковельский, Авеста, Баку, 1960, и другие работы.

[14] С. Н. Соколов, Авестийский язык, М., 1961 (перевод на англ. язык: S. N. Sokolov, The Avestan Language, Moscow, 1967).

[15] С. Н. Соколов, Язык Авесты (учебное пособие), Л., 1964.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

60-х годов С. Н. Соколовым. Изучением некоторых фонетических явлений в Гатах занимался Г. С. Ахвледиани [16].

§ 5. *Проблемы локализации и датировки Авесты.* В отличие от точно датированных и атрибутированных древнеперсидских надписей, Авеста — памятник многослойный, включающий в себя разделы и фрагменты, относящиеся к различным историческим эпохам, и дошедший до нас в очень неполном виде, в относительно поздней (сасанидский период) редакции и еще более поздних (не ранее XIII в.) рукописях. Использование Авесты как исторического и языкового источника связано поэтому в первую очередь с вопросами локализации и датировки авестийских текстов, с уровнем филологической их интерпретации. Проблема локализации и датировки Авесты и, в частности, Гат — песнопений, восходящих, возможно (полностью или частично), к творчеству самого Заратуштры (во всяком случае в нескольких Гатах речь ведется в 1 л. ед. ч., от имени Заратуштры), тесно связана в свою очередь с вопросом о времени и месте деятельности этого знаменитого религиозного реформатора.

При обсуждении вопроса о времени деятельности Заратуштры советские исследователи неоднократно обращались к имени Кави Виштаспы, выступившего, согласно Авесте, покровителем Заратуштры и его вероучения. По мнению В. В. Струве [17] и В. И. Абаева [18], Кави Виштаспа Авесты может быть идентифицирован с историческим Виштаспой, отцом Дария I и сатрапом Парфии. Соответственно выступление Заратуштры приурочивается к VI в. до н. э. (точнее, к традиционной дате — 570 г. до н. э.) и к территории Восточного Ирана. При этом В. В. Струве полагал, что «первой областью, в которой учение Заратуштры получило признание со стороны народных масс, была Маргиана» [19]. Тезис о восточноиранском (среднеазиатском) происхождении первоначального зороастризма и древнейшего ядра Авесты принят с теми или иными вариациями почти всеми советскими учеными [20]. В. И. Абаев считает, что «зороастризм возник в Восточном Иране на стыке оседлых племен с кочевыми скифскими» [21], М. М. Дьяконов склонялся к мнению, что древнейшие части Авесты сложились вероятнее всего в Бактрии,[22] К. В. Тревер — в Согде [23], И. М. Дьяконов — в Хорезме или Бактрии [24], И. Алиев — «в областях, расположенных между Средней Азией и восточномидийскими землями» [25]. Однако в вопросе о датировке большинство советских исследователей отстаивает тезис о сложении древнейших частей Авесты в период до VI в. до н. э. и отвергает отождествление авестийского Кави Виштаспы с историческим Виштаспой [26]. Для решения сложного вопроса о датировке Авесты советские ученые (М. М. Дьяконов) стали привлекать в 50-е годы и археологические материалы. Развитые земледельческие культуры, вскрытые советскими археологами на территории древнего Согда, Маргианы, Бактрии и относящиеся, по археологическим данным, ко второй четверти I тыс. до н. э., дают основание считать, что в тот период в оазисах Средней Азии и Северного Афганистана уже существовало товарное производство, начатки городской жизни с ремеслами (гончарным, ткаческим)

---

[16] Г. С. Ахвледиани, К вопросу о суперации акцессивов в Гатах Авесты, ИФ, VI (тез.), стр. 11—12.

[17] В. В. Струве, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968, стр. 33—34 сл.

[18] В. И. Абаев, Антидэвовская надпись Ксеркса, ИЯ I, стр. 139, прим. 1; он же, Скифский быт и реформа Зороастра, Ar. Or, XXIV, 1956, стр. 54.

[19] Струве, Этюды..., стр. 29.

[20] Едва ли не единственное исключение в этом вопросе представляет точка зрения А. О. Маковельского, относившего происхождение Авесты и зороастризма к территории Южного Азербайджана.

[21] Абаев, Скифский быт..., стр. 55.

[22] М. М. Дьяконов, Очерк истории Древнего Ирана, М., 1961, стр. 60, 75, 366, прим. 161 и др.

[23] К. В. Тревер, Гопатшах — пастух-царь, ТОВЭ, II, 1940, стр. 85.

[24] И. М. Дьяконов, История Мидии, М.— Л., 1956, стр. 390 и др.

[25] И. Алиев, История Мидии, I, Баку, 1960, стр. 24.

[26] См., например, И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 48, прим. 4; М. М. Дьяконов, Очерк..., стр. 85; Алиев, История Мидии, стр. 18—19; ИТН I, стр. 172.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

и торговлей. Создавшие эту культуру общества имели уже прочную традицию оседлой жизни (дома кирпичной кладки), умели изготовлять железные орудия, создавали поселения городского типа (вроде Мерва, Балха, Самарканда). Между тем общество, рисуемое Авестой (во всяком случае древнейшими ее частями), стоит, согласно М. М. Дьяконову, на более архаичной ступени развития материальной культуры, и отсюда неизбежно вытекает сделанный М. М. Дьяконовым вывод о том, что сложение древнейшей части Авесты относится ко времени не позднее начала I тыс. до н. э.[27] Вывод о сложении древнейших частей Авесты в доахеменидское время подкрепляется и следующими соображениями И. М. Дьяконова: в Авесте отсутствуют всякие упоминания о деньгах, о налоговой системе, о почтовых дорогах, сатрапиях и других государственных институтах Ахеменидской державы. Между тем во второй половине VI в. до н. э. различные ираноязычные племена и народности Ирана и Средней Азии уже были знакомы со всеми этими государственными установлениями, и все это «не могло бы не отразиться в Авесте, если бы она вообще отражала условия ахеменидского времени» [28].

Большое значение для вопроса о локализации Авесты имеют языковые данные. Советские ученые (А. А. Фрейман) обратили внимание на то обстоятельство, что некоторые причастные образования в Гатах объединяют диалект Гат с согдийским, хорезмийским и осетинским, но отделяют его от древне- и новоперсидского и (младо)авестийского [29]. Неоднократно отмечалось также, что язык Авесты отличен от мидийского (насколько о нем можно судить по именам собственным)[30] и бактрийского [31]. Все эти данные укрепляли советских ученых в мнении, что древнейшее ядро Авесты (Яшты, Гаты) складывалось в области распространения восточноиранских племен вероятнее всего в Средней Азии, в доахеменидский период и отражает образ жизни и идеологию восточноиранских племен и народностей VIII—VII вв. до н. э.[32] В указанных трудах освещались также вопросы сложения, записи и дальнейшей истории авестийских текстов, при этом И. М. Дьяконовым было высказано мнение, что первые записи авестийских текстов должны были относиться еще к ахеменидскому времени [33]. К этой же точке зрения склоняется В. И. Абаев [34]. Остальные авторы склонны, однако, относить первые попытки письменной фиксации Авесты к аршакидской или сасанидской эпохе [35].

§ 6. *Терминология Авесты.* Авестийская терминология неизменно привлекает исследователей, занимающихся проблемами материальной культуры, социальной структуры и идеологии общества, рисуемого Авестой. Одна из первых работ в этом направлении принадлежит В. И. Абаеву, который в своем исследовании «Скифский быт и реформа Зороастра»[36] опирался в значительной мере на анализ авестийской терминологии. Согласно В. И. Абаеву, в идеологии раннего зороастризма, отраженной преимущественно в Гатах, слово xšaϑra- обозначало «сильная власть» и слово ārmati- «мир». Именно установление сильной власти (xšaϑra-) и мира (ārmati-) на земле должно

---

[27] См. М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, СА, т. XIX, 1954, стр. 139—140; он же, Очерк..., стр. 75.

[28] См. И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 47—48, прим. 2 на стр. 48.

[29] См. А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, I, М.— Л., 1951, стр. 35.

[30] См. И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 381.

[31] См., например, ИТН I, стр. 170.

[32] См. И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 390 и др.; Оранский, Введение..., стр. 90—93; М. М. Дьяконов, Очерк..., стр. 58, 360, прим. 87 и др.; ИТН I, стр. 137—139 и др.

[33] См. И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 47 сл., 383 сл.; ср. М. М. Дьяконов, Очерк..., стр. 58.

[34] См. ВДИ, 1964, № 1, стр. 193.

[35] См. А. А. Фрейман, Задачи иранской филологии, «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. V, вып. 5, 1946, стр. 381; Оранский, Введение..., стр. 71 сл.; ИТН I, стр. 174 сл.; НСАК, I, стр. 134; М. А. Дандамаев, [Рец. на:] F. Altheim und R. Stiehl, Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden, I, Frankfurt am Main (1961—1962), ВДИ, 1963, № 4, стр. 186.

[36] Абаев, Скифский быт..., стр. 23—56.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

было в концепции раннего зороастризма обеспечить отпор хищническим набегам кочевых (преимущественно сакских) племен и развитие оседлого мирного скотоводческого хозяйства. Эти выводы были приняты во всем основном и в последующих работах, затрагивающих авестийскую проблематику [37]. В указанных работах прослеживается также постепенная эволюция отраженных в Авесте религиозных верований — от древнейших религиозных представлений с почитанием небесных светил и сил природы до дуалистической религиозной системы зороастризма с тщательно разработанной иерархией божественных сил, а также эволюция самого первоначального зороастризма, поскольку дошедшая до нас в остатках редакция Авесты представляет уже не ту относительно позднюю религиозно-философскую концепцию Заратуштры, которая известна в основном по Гатам, а некий компромисс между этой концепцией, с одной стороны, и древними народными верованиями в обожествленные силы природы — с другой [38]. Наиболее полное в советской литературе изложение религиозной системы зороастризма и связанной с ней терминологии дано в «Истории таджикского народа» т. I, 1963, стр. 177 сл.).

На основе анализа социальных терминов Авесты советскими учеными были рассмотрены четырехступенчатая система организации авестийского общества — дом, семья (nmāna-, dəmāna-), род (родовое) поселение (vīs-), племя (zantu-), область, страна (dahyu-), деление общества на сословные группы (pištra-), вопрос о рабах и неполноправных членах общины (vīra-, vaēsa-, pairy-aētar-) [39]. В связи с вопросами о разложении родовой организации, о переходе к соседской общине и о социально-экономическом расслоении общества Авесты рассматриваются термины, обозначающие различные типы поселения, сельской общины, сельской округи (vīs-, var-, varəzāna-, vərəzəna-, šoiθra-, gava-) [40], а также различные категории знати [āzāta- «благородный», «знатный», āsna- «знатный», raθaēstar- «(знатный) воин», sāstar- «князь, правитель», sātar- «правитель» и т. д.]. В этой же связи привлекались к анализу термины, обозначающие домовладыку (nmānəpati-), старейшину рода, (родового) поселения vīspati-), главу племени (zantupati-), главу, начальника области (daiηhupati-), главу, владыку всех областей (vīspanąm dahyunąm daiηhupati-) [41]. Последний из этих терминов привлекал особый интерес, ибо связывался с упоминаемым в «Михр Яште» (Yt. 10.87) объединением областей (daiηhusasti-).

На основе анализа авестийской терминологии советские авторы указали на широкое использование железа оседлыми земледельцами и скотоводами Авесты, отметили наличие в Авесте специальных терминов для обозначения ремесленника, гончарного и ткацкого производства, многократное упоминание оросительных каналов [42]. Тем самым были внесены некоторые коррективы в положение М. М. Дьяконова, считавшего, что авестийское общество еще не знает развитого, отделившегося от земледелия ремесла и вряд ли знакомо с изготовлением железных орудий [43]. Термин «фарн» (авест. xᵃ̂rənah-) в Авесте (и поздних зороастрийских сочинениях) рассматривался в связи с археологическими материалами Б. А. Литвинским [44]. Об отождествлении авест. tūra- и др.перс. saka- см. § 8.

---

[37] См. Оранский, Введение..., стр. 82 сл.; ИТН I, стр. 168 сл.

[38] См., например, Оранский, Введение..., стр. 83 сл.

[39] И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 180 сл.; М. М. Дьяконов, Очерк..., стр. 60—61; ИТН I, стр. 139 сл.

[40] И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 183 сл.; ИТН I, стр. 143—145; специально о var-, которые С. П. Толстов идентифицировал с некоторыми городищами середины I тыс. до н.э., вскрытыми при раскопках древнего Хорезма («городища с жилыми стенами»), см. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 77—82; он же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 93 сл.

[41] См. ИТН I. стр. 145—149, 152.

[42] Оранский, Введение..., стр. 82; ИТН I, стр. 149—150.

[43] См. М. М. Дьяконов, Сложение..., стр. 121 сл.; он же, Очерк..., стр. 60.

[44] См. Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии), Душанбе, 1968, особенно стр. 46 сл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЕ НАДПИСИ И ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК (§§ 7—10)

§ 7. *Публикации, переводы и интерпретация надписей.* Цилиндр-печать с надписью царя Артаксеркса была опубликована в 1925 г. ассириологом В. К. Шилейко [45]. Эта печать, воспроизведенная впоследствии в атласе по истории древнего Востока [46], осталась, к сожалению, неизвестной западной литературе и не вошла в новейшие своды древнеперсидских надписей (например, в известный свод Р. Г. Кента, 1953 г.). Переводы древнеперсидских надписей или отрывков из них публиковались А. А. Фреймаком [47], В. В. Струве [48], В. И. Абаевым [49], И. М. Оранским [50], М. А. Дандамаевым [51], Г. М. Налбандяном [52]. С начала 40-х годов внимание советских ученых было привлечено к вновь открытым древнеперсидским надписям, главным образом к знаменитой «Антидэвовской» надписи Ксеркса (XPh). После первых переводов на русский язык и предварительных комментариев А. А. Фреймана и Л. Ельницкого [53] эта надпись была вторично переведена на русский язык и прокомментирована В. И. Абаевым, расценившим ее как прямое указание на зороастризм первых Ахеменидов [54]. К анализу этой надписи и сопоставлению ее с пятым столбцом Бехистунской надписи В. И. Абаев возвращался и в последующих своих работах [55]. Ему же принадлежит комментированный перевод надписи Дария I о строительстве дворца в Сузах [56].

Анализ отдельных пассажей древнеперсидских надписей содержится в ряде трудов В. В. Струве, А. А. Фреймана, М. М. Дьяконова, В. О. Тюрина, И. М. Дьяконова, М. А. Дандамаева и других авторов. Пристальное внимание советских историков привлекали отрывки Бехистунской надписи, повествующие о восстаниях и военных походах эпохи Дария I. Пассажи о восстаниях в Армении (Beh. II, 29—63) и Маргиане (Beh. II, 6—8; III, 10—21) проанализированы В. В. Струве [57], в Мидии (Beh. II, 6—8, 13—29, 64—78) — И. М. Дьяконовым и И. Г. Алиевым [58], в Персии и Эламе (Beh. II, 6—13; III, 21—53) — М. А. Дандамаевым [59], в Парфии (Beh. II, 6—8, 92—98; III, 1—10) — авторами «Истории таджикского народа» [60]. Анализ строк, повествующих о походе Дария I против «саков, которые остроконечную шапку носят» (Beh. V, 20—33), привел советских ученых к выводу о том, что речь здесь идет о походе против саков Средней Азии (а не против причерноморских скифов, как это предполагалось

[45] В. К. Шилейко, Печать царя Артаксеркса, «Жизнь Музея», 1925, № 1 стр. 17—19.

[46] «Древний Восток. Атлас по древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая». Сост. И. Л. Снегирев, под ред. В. В. Струве, Л., 1937, табл. 218, *5*.

[47] А. А. Фрейман, Древнеперсидские клинообразные надписи, «Восток», кн. 5, 1925, стр. 3—15.

[48] Струве, Этюды..., стр. 119, 125 и др.

[49] «Хрестоматия по истории древнего мира», т. I. Древний Восток (изд. 1936 и 1950 гг.); «Хрестоматия по истории древнего Востока» (под ред. акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера), М., 1963, стр. 358—367.

[50] Оранский, Введение..., стр. 95—134.

[51] М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963, стр. 262—270.

[52] Г. М. Налбандян, Бисетунская надпись Дария Виштаспа. Перевод с подлинника, предисл. и прим., Ереван, 1964 (на арм. яз.).

[53] См. А. А. Фрейман, Новые работы по древнеперсидским надписям, ВДИ, 1940, № 2 (11), стр. 126—127; Л. Ельницкий, Новая надпись Ксеркса, там же, стр. 168—172.

[54] В. И. Абаев, Антидэвовская надпись Ксеркса, ИЯ I, стр. 134—140. В связи с вопросом о религии древнего Ирана «Антидэвовская» надпись неоднократно привлекалась к анализу в работах В. В. Струве. См., главным образом, Струве, Этюды..., стр. 115 сл.

[55] См., например, В. И. Абаев, Пятый столбец Бехистунской надписи и Антидэвовская надпись Ксеркса, ВДИ, 1963, № 3, стр. 113—118.

[56] В. И. Абаев, Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе, ИЯ I, стр. 127—133.

[57] Струве, Этюды..., стр. 7 сл., 24 сл. См. также ИТН I, стр. 195 сл.

[58] И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 435 сл.; Алиев, История Мидии, стр. 311 сл.

[59] Дандамаев, Иран..., стр. 185 сл.

[60] См. ИТН I, стр. 196—197.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ранее)[61]. Этот же пассаж неоднократно привлекался исследователями в связи с вопросом о религии сакских племен[62]. Новые чтения и восстановление текста III столбца Бехистунской надписи были предложены В. О. Тюриным[63].

Неоднократно обращались советские историки также к анализу отрывков Бехистунской надписи, посвященных перевороту мага Гауматы и последующим мероприятиям Дария I (Beh. I, 26—71)[64]. Особенно детально рассмотрены эти отрывки в ряде статей и обобщающей монографии М. А. Дандамаева[65]. Привлекались к анализу и некоторые другие пассажи Бехистунской надписи, вызывающие противоречивые толкования,— uvāmaršiyuš amariyatā (Beh. I, 43)[66], § 70 (см. § 10) и т. д. Текст одной из надгробных надписей Дария I (NRb) был привлечен В. В. Струве для исследования принципов внутренней политики этого государя[67].

М. Н. Боголюбовым предложено чтение надписей на печатях из Персеполя[68] и толкование надписи (арамейским письмом) из Аребсуна (Каппадокия), язык которой определяется им как древнеиранский[69].

§ 8. *Терминология древнеперсидских надписей.* Тесно связаны с предыдущими исследования в области древнеперсидской терминологии — терминов этногеографических, социальных, религиозных, календарных и т. д. Содержащиеся в надписях названия стран и народов неоднократно привлекались к рассмотрению в работах В. В. Струве, И. М. Дьяконова, И. М. Оранского, В. М. Массона, в сводных трудах по истории Средней Азии[70]. Акад. В. В. Струве были идентифицированы при этом «саки, которые за морем» (sakā tyaiy paradraya) Накширустемской надписи Дария I (DNa) с дахами «Антидэвовской» надписи Ксеркса (XPh)[71]. Вопросу о локализации «саков, которые за Согдом» (sakā tyaiy parasugdam), посвятил специальную работу Б. А. Литвинский[72], локализацией области Сагартия (Asagarta) и анализом

---

[61] См. А. А. Фрейман, Плененный враг Дария — скиф Скунха, «Известия АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», т. VII, вып. 3, 1948, стр. 235—240; Струве, Этюды..., стр. 51 сл.; ИТН I, стр. 197 сл.; М. А. Дандамаев, Поход Дария против скифского племени *тиграхауда*, КСИНА, 61, 1963, стр. 175—187.

[62] См. Струве, Этюды..., стр. 30 сл. и др.; Абаев, Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I, стр. 113—118; он же, Дохристианская религия алан, М., 1960 (XXV МКВ).

[63] В. О. Тюрин, Аншан. Новые чтения и восстановление текста III столбца Бехистунской надписи, ВДИ, 1962, № 4, стр. 111—130.

[64] См. И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 323 сл., 332 сл., 427—435 и др.; он же, Рабовладельческие имения персидских вельмож, ВДИ, 1959, № 4, стр. 90—92; Алиев, История Мидии, стр. 257 сл., 274 сл. и др.; М. М. Дьяконов, Очерк..., стр. 80 сл., 87—89, 109, 368—372 (прим. 192, 193) и др.; Ю. Б. Юсифов, К вопросу о деятельности Гауматы, «Доклады АН АзербССР», т. XV, № 3, 1959, стр. 251—255, и другие работы.

[65] См. Дандамаев, Иран..., стр. 121 сл., 187 сл., 204 сл. и др.

[66] См. М. А. Дандамаев, uvāmaršiyuš amariyatā Бехистунской надписи, ДМ, 1962, стр. 371—376.

[67] См. Струве, Этюды..., стр. 70 сл.

[68] См. М. Н. Боголюбов, Надписи на печатях из Персеполя, «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы научн. конф. Восточного факультета [ЛГУ] 1965/66 уч. год», 1966, II, стр. 7—8.

[69] См. М. Н. Боголюбов, Древнеиранская надпись арамейскими буквами из Каппадокии, ИФ VI (тез.), стр. 16—17 (см. также М. Н. Боголюбов, Молитва Ахурамазде на древнеиранском языке среди арамейских надписей из Аребсуна, ИИГиК, стр. 277—285; M. N. Bogolubov, An Old Iranian Inscription in Aramaic Script from Cappadocia, M., 1970 [XXVIII International Congress of Orientalists, Canberra, January 6—12, 1971, Papers Presented by the USSR Delegation]).

[70] См. Струве, Этюды..., стр. 58 сл., 103 сл. и др.; И. М. Дьяконов, История Мидии..., стр. 343 сл.; Оранский, Введение..., стр. 62 сл., 120 сл. и др.; В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, М.—Л., 1959, стр. 140 сл.; ИТН I, стр. 203 сл.

[71] Струве, Этюды..., стр. 58 сл. и др.

[72] Б. А. Литвинский, Саки, которые за Согдом, «Труды АН ТаджССР», CXX, 1966, стр. 91—96.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

этнического термина pārsa- занимался Э. А. Грантовский [73]. Г. С. Ахвледиани была предложена идентификация древнеперсидского этнического термина mačiya-, рассматриваемого обычно как производное от maka- «Мекран», с названием грузинского племени mesx [74]. В. И. Абаеву принадлежит наиболее полное обоснование идентификации др.-перс. saka- с авестийским этническим термином tūra- [75].

Социальная терминология Бехистунской (особенно знаменитого § 14. Beh. I, 61—71) и других древнеперсидских надписей привлекала в последние десятилетия пристальное внимание ученых. В работах М. М. Дьяконова, В. О. Тюрина, И. М. Дьяконова, Иг. Алиева, М. А. Дандамаева, Ю. Б. Юсифова и других рассматривались социально-экономические термины Бехистунской надписи kāra- «народ-войско», māniya- «домашний раб», abičariš «пастбища» (?), gaiθa- «имущество, скот» (?), viθ- «дом, община» (?) и т. д. [76] Одному из социальных терминов (marīka- «воин», «свободный член народа-войска»), встречающемуся только в NRb, посвящена статья С. И. Баевского [77]. Термины, обозначающие в древнеперсидских надписях населенные пункты и укрепленные поселения (didā-, vṛdana-, āvahana-), рассматривались В. М. Массоном и М. М. Дьяконовым [78].

Анализируя религиозную терминологию древнеперсидских надписей сравнительно с религиозной терминологией Авесты, отмечая отсутствие в ахеменидских надписях имени Заратуштры и ряд других фактов, В. В. Струве пришел к выводу, что религия Ахеменидов не была тождественна учению Заратуштры, хотя и имела общие с ним моменты [79]. Этот вывод был воспринят и развит в ряде последующих трудов советских ученых: в трудах М. М. Дьяконова, И. М. Дьяконова, в «Истории таджикского народа» и особенно в монографии М. А. Дандамаева, содержащей очерк религиозной борьбы в Ахеменидской державе (преимущественно в период начала царствования Дария I, 522—521 гг. до н. э.) [80].

Основное советское исследование в области древнеперсидской календарной терминологии принадлежит А. А. Фрейману, установившему прототипы четырех названий древнеперсидских месяцев, сохранившихся только в эламской передаче, и предложившему этимологию названий этих четырех и еще нескольких других месяцев [81]. Этимологическому анализу названия одного из древнеперсидских месяцев посвящена также статья М. Н. Боголюбова [82]. В связи с исследованием названий месяцев в осетинском народном календаре древнеперсидские названия месяцев были привлечены В. И. Абаевым, указавшим на явно дозороастрийский характер ряда названий месяцев древнеперсидского календаря [83].

---

[73] Э. А. Грантовский, Сагартии и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота (III, 93), КСИНА, 46, 1962, стр. 227 сл.; он же, Древнеиранское этническое название *parsava — pārsa, КСИНА, XXX, 1961, стр. 3—19.

[74] [Г. С.] Ахвледиани, Древнеперсидское mačiya- и грузинское mesx-, М., 1960 (XXV МКВ).

[75] Абаев, Скифский быт..., стр. 38 сл.

[76] См. В. О. Тюрин, К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи, «Труды Ин-та языкознания АН СССР», VI, 1956, стр. 499—525; он же, Социальное положение KUR-TAS по документам из «Сокровищницы» Персеполя, ВДИ, 1951, № 3, стр. 21—39, особенно стр. 35 сл.; он же, Аншан., стр. 111—130; Ю. Б. Юсифов, Термины для рабов в Мидии, Эламе и Персии середины I тысячелетия до н. э., ВДИ, 1961, № 4, стр. 32—49, особенно стр. 39 сл. См. также работы М. М. и И. М. Дьяконовых, И. Алиева и М. А. Дандамаева (§ 7).

[77] С. И. Баевский, Древнеперсидское marīka, СВ, 1958, № 1, стр. 98—101.

[78] Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 151 сл.; Дьяконов, Очерк..., стр. 107, 380 (прим. 272).

[79] Струве, Этюды..., стр. 118 сл., 125 сл., 142 сл. и др.

[80] М. М. Дьяконов, Очерк..., стр. 65, 85—86, 98—99, 118—119, особенно 374—379 (прим. 240—241); И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 397—398 и др.; ИТН I, стр. 230—235; Дандамаев, Иран..., стр. 234—261.

[81] А. А. Фрейман, Древнеперсидский календарь в свете новейших открытий, ВДИ, 1946, № 3 (17), стр. 15—27.

[82] М. Н. Боголюбов, Древнеперсидский месяц viyaxna, СВ, 1956, № 1, стр. 173—174.

[83] В. И. Абаев, The Names of the Months in Ossetic, Henning MV, стр. 6—7.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

§ 9. *Древнеперсидская (и древнеиранская) лексика. Этимологические работы. Грамматика.* Этимология имени Скунха — вождя одного из сакских племен, пленного Дарием (Beh. V) и изображенного на знаменитом рельефе Бехистунской скалы, дана А. А. Фрейманом [84]. В. И. Абаеву принадлежат работы об этимологии имен первых Ахеменидов, а также о древнеперсидских элементах в осетинском языке [85]. Ряд исследований, посвященных анализу древнеперсидской и, шире, древнеиранской лексики, особенно иранской лексики, зафиксированной арамейскими текстами, опубликовал М. Н. Боголюбов [86]. Изучением древнеиранской лексики, представленной в вавилонских текстах, занимался М. А. Дандамаев [87]. Древнеиранские термины, обозначающие различные виды оружия, привлекались к анализу Б. А. Литвинским и И. В. Пьянковым [88]. Вопросами древнеиранской ономастики и этнонимии занимается Э. А. Грантовский. В ряде его статей, обобщенных впоследствии в монографии о ранней истории иранских племен Передней Азии, рассматривался также вопрос о так называемых мидизмах в древнеперсидском языке и о передаче иранской лексики (имена собственные) в аккадской клинописи [89].

Отдельные работы, посвященные древнеперсидскому языку, публикуются также в союзных республиках: Армении (Г. М. Налбандян), Грузии (М. М. Сахокиа, Г. А. Чавчавадзе), Таджикистане (А. Каримов). Широко привлекается древне- и среднеиранская лексика в исследованиях М. К. Андроникашвили, посвященных проблеме ирано-грузинских языковых отношений и обобщенных ею в обстоятельной монографии [90].

§ 10. *Древнеперсидская письменность.* Привлекающий пристальное внимание мировой науки вопрос о письменности и письменных языках в державе Ахеменидов неоднократно обсуждался в работах советских ученых. Решение узловой проблемы, вопроса о времени введения древнеперсидской клинописи, зависит здесь в первую очередь от толкования знаменитого § 70 Бехистунской надписи (Beh. IV, 88—92), а также от признания или непризнания древнеперсидских надписей, высеченных от имени Кира II и его предшественников, современными этим государям. Две основные точки зрения находят отражение в советской литературе: а) древнеперсидская клинопись была введена при Дарии I, и первым памятником этого письма является Бехистунская надпись (М. А. Дандамаев) [91]; б) древнеперсидское письмо существовало

---

[84] Фрейман, Плененный враг Дария..., стр. 235—240.

[85] См. В. И. Абаев, К этимологии древнеперсидских имен Kuruš, Ka^{m}bujiya, Čišpiš. Посвящается 2500-летию Иранского государства, ИФ IV, стр. 7—22; то же в кн. «Этимология 1965», М., 1967, стр. 286—295 (см. также В. И. Абаев, Из иранской ономастики, ИИГиК, стр. 262—276); он же, Древнеперсидские элементы в осетинском языке, ИЯ I, М.—Л., 1945, стр. 7—12.

[86] См. М. Н. Боголюбов, Древнеперсидские этимологии, ДМ, 1962, стр. 367—370; он же, Иранская лексика ахеменидского времени в арамейских письменных памятниках, ИФ V (тез.), стр. 143—147; он же, Арамейская строительная надпись из Асуана, ПС, 15 (78), 1966, стр. 41—46; он же, К чтению арамейской версии кандагарской надписи Ашоки, «Известия АН СССР, Сер. лит-ры и яз.», XXVI, вып. 3, 1967, стр. 264—268; он же, Почетный титул ахеменидского военачальника в Верхнем Египте, ПС, 17 (80), 1967, стр. 21—25; он же, Арамейский документ из Авромана, «Вестник ЛГУ», 1967, № 2, стр. 121—128; он же, Арамейская надпись на серебряной пластинке из Ирана, ПС, 21 (84), 1970, стр. 89, и другие работы.

[87] См. М. А. Дандамаев, Древнеперсидские слова в вавилонских текстах, ИФ V (тез.), стр. 157—158; он же, Клинописные данные об ариях, в кн. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 86—93; M. A. Dandamajew, Bagasarū ganzabara, в кн. «Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein (1898—1967)», Innsbruck, 1968, стр. 235—239.

[88] Б. А. Литвинский, И. В. Пьянков, Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э., ВДИ, 1966, № 3, стр. 36—52.

[89] См. Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, стр. 67 сл., 149 сл. и др. См. также § 8.

[90] М. К. Андроникашвили, Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, Тбилиси, 1966 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.).

[91] См. М. А. Дандамаев, Проблема древнеперсидской письменности, ЭВ, XV, 1963, стр. 24—35; он же, Иран..., стр. 32—60.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

задолго до Дария I и уже во всяком случае при Кире II (В. В. Струве, М. М. Дьяконов, И. М. Дьяконов, И. М. Оранский) [92].

В одной из работ В. В. Струве, относящейся к началу 50-х годов, была высказана мысль, что в § 70 Бехистунской надписи следует видеть указание на то, что по повелению Дария I арамейское алфавитное письмо стало использоваться для фиксации текстов на «арийском» (т. е. древнеперсидском) языке [93]. В переработанном и расширенном варианте этой статьи [«Реформа письма Дария I (§ 70 Бехистунской надписи) и крупнейшее достижение культуры мидийского народа»], опубликованном уже посмертно [94], В. В. Струве разрабатывает положение о том, что древнеперсидская клинопись была создана уже в эпоху Мидийского царства (при Киаксаре), и ставит вопрос «о воздействии стиля урартийских царей на стиль надписей персидских царей через посредство формул мидийских официальных документов». Это положение разрабатывалось также с 1956 г. в ряде работ И. М. Дьяконова [95].

СРЕДНЕПЕРСИДСКИЕ ТЕКСТЫ И СРЕДНЕПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК (§§ 11—12)

§ 11. *Наскальные надписи и другие памятники эпиграфики. Нумизматика.* Первые советские работы о сасанидских надписях (Е. А. Пахомов) связаны с открытием надписей в Дербенте и относятся к 20-м годам нашего века [96]. Вопросами пехлевийской эпиграфики и палеографии занимались в предвоенные годы также Ф. А. Розенберг [97], К. В. Тревер [98], А. Я. Борисов [99] и (в связи с эпиграфическими находками в Мцхета) Г. В. Церетели [100]. Наскальные надписи, как и другие источники по истории Сасанидского Ирана, широко использовались в трудах известного историка Ближнего Востока В. Н. Пигулевской (1894—1970), особенно в ее монографии о городах раннесредневекового Ирана [101], а также в уже не раз упоминавшемся «Очерке» М. М. Дьяконова [102].

---

[92] См. Струве, Этюды..., стр. 43 сл.; М. М. Дьяконов, Очерк..., стр. 121 сл.; И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 369 сл.; ср. он же, рец. на: М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах (ВДИ, 1964, № 3, стр. 177 сл.); I. M. Diakonoff, On the Interpretation of § 70 of the Bisutun Inscription (Elamite Version), Acta Antiqua (Budapest), XVII, 1—2, 1969, стр. 105—107; I. D. The Origin of the 'Old persian' writing System and the Ancient Oriental Epigraphic and Annalistic Traditions, Henning MV, стр. 98—124; Оранский, Введение..., стр. 130 сл.; он же, рец. на: W. Brandenstein und M. Mayrhofer, Handbuch des Altpersischen (ВДИ, 1965, № 1, стр. 209—210); он же, Несколько замечаний к вопросу о времени введения древнеперсидской клинописи, ВДИ, 1966, № 2, стр. 107—116.

[93] В. В. Струве, Реформа письменности при Дарии I, ВДИ, 1951, № 3, стр. 186—191.

[94] Струве, Этюды..., стр. 40—51.

[95] См. И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 367 сл.; Diakonoff, The Origin..., особенно стр. 120 сл.

[96] Е. А. Пахомов, О находке сасанидских надписей в Дербенте, «Культура и письменность Востока», кн. IV, Баку, 1929, стр. 74—77; он же. Пехлевийские надписи Дербенда, «Известия О-ва обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. V, Баку, 1929, стр. 3—25; он же, К толкованию пехлевийских надписей Дербенда, «Известия Азерб. гос. научн.-иссл. ин-та», т. 1, вып. 2, Баку, 1930.

[97] Ф. А. Розенберг, Неизданное сасанидское блюдо с пехлевийским граффито, ЗКВ, V, 1930, стр. 137—144.

[98] См., например, К. В. Тревер, Резной аметист из собрания Эрмитажа, СГАИМК, 1931, № 2, стр. 19—23, и другие работы.

[99] А. Я. Борисов, Эпиграфические заметки, ТОВЭ, I, Л., 1939, стр. 221—245 (стр. 235 сл.—III. Об одной группе сасанидских резных камней); он же, Надписи на серебряной чаше из Бори (Грузия), СГЭ, IV, 1947, стр. 8—11; он же, Эпиграфические заметки, ЭВ, XV, 1963, стр. 51 сл. См. также прим. 104.

[100] Г. В. Церетели, Армазская билингва. Двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета — Армази, Тбилиси, 1941; он же, Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии, ВДИ, 1948, № 2 (24), стр. 49—57, и другие работы.

[101] Н. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956, особенно стр. 109 сл. (пер. на франц. яз.: N. [V.] Pigulevskaja, Les villes de l'État Iranien aux Époques Parthe et Sassanide, P., 1963).

[102] М. М. Дьяконов, Очерк..., стр. 257 сл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

С 1960 г. ряд статей по сасанидской эпиграфике и палеографии (преимущественно по материалам богатейшего собрания Эрмитажа: резные камни, торевтика, монеты) был опубликован В. Г. Лукониным (частично в соавторстве с В. А. Лившицем) [103]. Им же издана монография о сасанидских геммах, включающая начатый еще А. Я. Борисовым каталог сасанидских гемм Государственного Эрмитажа, а также специальные разделы о надписях на геммах и их палеографии [104]. Новая работа В. Г. Луконина, посвященная культуре раннесасанидского Ирана и основанная главным образом на анализе наскальных надписей, монетных легенд и других памятников эпиграфики, вышла в свет в 1969 г.[105] Упомянем еще его статью о двух небольших среднеперсидских надписях-граффити из раскопок Кара-тепе (Старый Термез), содержащую сведения и о некоторых других среднеперсидских надписях (дербентских, пенджикентской и др.) [106]. Материал сасанидских надписей и кушано-сасанидские монеты широко привлекались Е. В. Зеймалем в его исследованиях по истории Кушанского царства [107]. Чтение пехлевийской надписи на серебряной чаше раннесасанидской эпохи из раскопок в Армазисхеви предложено Ш. Я. Амиранашвили [108]. Терминологии эпиграфических памятников III в. посвящена статья Г. Ш. Амиранашвили [109].

§ 12. *Памятники «книжно-пехлевийской» литературы. Пехлевийские папирусы. Изучение среднеперсидского языка.* Изучение памятников среднеперсидской письменности и среднеперсидского языка, начатое А. А. Фрейманом еще в начале XX в., было продолжено им и в первые послереволюционные десятилетия [110]. В 50—60-е годы несколько работ по вопросам среднеперсидской грамматики опубликовали С. Н. Соколов, А. Н. Рагоза, Е. К. Молчанова, Т. Д. Чхеидзе, А. Каримов. Анализу среднеперсидской лексики в греческих и коптских папирусах посвятил свои исследования папиролог и коптовед П. В. Ернштедт [111], в арамейско-еврейских текстах — Ю. А. Солодухо [112], в памятниках древнегрузинской письменности — М. К. Андроникашвили (см. § 9). В Ереване и Душанбе были опубликованы пехлевийский сло-

---

[103] В. Г. Луконин, Резной аметист с изображением царицы цариц Денак (из собрания Гос. Эрмитажа), ИИКНВ, стр. 379—385; он же, Опыт датировки группы резных камней сасанидского времени, М., 1960 (XXV МКВ; то же в кн. «Труды XXV МКВ», т. II, М., 1963, стр. 182—188; пер. на англ., яз.: V. G. Lukonin, An Experimental Datig of Some Sassanian Seals, Moscow, 1960); он же, Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры, Л., 1961, стр. 26 сл.; В. А. Лившиц и В. Г. Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, ВДИ, 1964, № 3, стр. 155 сл.; В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, ЭВ, XVIII, 1967, стр. 16—33.

[104] А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, Сасанидские геммы, Л., 1963 [книга содержит: 1) В. Г. Луконин, Сасанидские геммы (стр. 7—70); 2) А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, Каталог сасанидских гемм Государственного Эрмитажа (стр. 70—194); 3) иллюстрации и указатели (в том числе указатель к надписям на геммах)].

[105] В. Г. Луконин, Культура Сасанидского Ирана, М., 1969; см. также он же, Раннесасанидский Иран. Некоторые проблемы истории и культуры, Автореф. докт. дисс. [М., 1970]; V. G. Lukonin, Persia II, Geneva, 1967.

[106] В. Г. Луконин, Среднеперсидские надписи из Кара-тепе, Кара-тепе II, М., 1969, стр. 40—46.

[107] См., например, Е. В. Зеймаль, Кушанская хронология, М., 1968, особенно стр. 97 сл., и другие работы.

[108] См. Ш. Я. Амиранашвили, Серебряная чаша раннесасанидской эпохи из раскопок в Армазисхеви, ИИКНВ, стр. 289 сл.

[109] Г. Ш. Амиранашвили, Социально-экономическая терминология в эпиграфических памятниках Сасанидского Ирана III в., «Труды Тбил. гос. ун-та», т. 121, 1967 (на груз. яз., русск. рез.), стр. 225—249.

[110] См. библиографию работ А. А. Фреймана (прим. 2).

[111] П. В. Ернштедт, Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах, «Византийский временник», т. XII, 1957, стр. 218—231.

[112] Ю. А. Солодухо, Персидская административная, правовая, социально-экономическая и культурно-бытовая лексика в еврейско-иракских литературных памятниках сасанидского периода, ДМ, стр. 344—354; он же, О некоторых персидских заимствованиях «Вавилонской гемары», КСИНА, 86, 1965, стр. 116—120.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

варь [113], пособия для изучающих [114], переводы со среднеперсидского языка [115]. Грамматический очерк среднеперсидского языка (по материалам «книжного пехлеви») составлен В. С. Расторгуевой [116].

В качестве источников по истории и истории культуры Сасанидского Ирана среднеперсидские сочинения привлекаются в работах И. А. Орбели и К. В. Тревер [117], Н. В. Пигулевской, А. Г. Периханян, А. И. Колесникова [118] и других советских историков. Большой интерес вызывают у исследователей Сасанидского Ирана юридические памятники и документы этой эпохи, в частности знаменитый судебник «Матикан-и хазар датастан». Материалы этого судебника использовались в работах Н. В. Пигулевской [119] и других авторов. С начала 50-х годов пехлевийские юридические тексты изучаются в качестве исторического источника А. Г. Периханян. На материалах упомянутого судебника основывается в значительной степени ряд ее работ, в частности работы о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени, о древнеармянских востаниках и др.[120] Ею же опубликованы текст пехлевийского брачного контракта [121], пехлевийские папирусы из собрания Музея изобразительных искусств в Москве [122], работы по анализу пехлевийской юридической терминологии [123], по ирано-армянским языковым связям [124].

СОГДИЙСКИЕ ТЕКСТЫ И СОГДИЙСКИЙ ЯЗЫК (§§ 13—17)

§ 13. *Согдийские тексты и фрагменты из Синьцзяна.* Изучение хранящихся в Ленинграде памятников согдийской письменности, происходящих из Синьцзяна, начатое еще акад. К. Г. Залеманом, было продолжено после Великой Октябрьской революции его учеником Ф. А. Розенбергом. Им были опубликованы три фрагмента согдийско-буддийских документов из коллекции Азиатского музея [125], а также ряд

[113] «Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь». Составил. проф. Р. Абрамян. Словарь подготовил к печати, отредактировал и составил краткий грамматический очерк пехлеви канд. филол. наук Г. М. Налбандян, Ереван, 1965.

[114] Г. М. Налбандян, Среднеперсидский язык, Ереван, 1952 (на арм. яз.); Р. Х. Додихудоев, Луғати хетерограммаҳои паҳлавӣ ..., Душанбе, 1969.

[115] «Аз Корномаи Ардашери Бобакон». Перевод и комментарий С. Мирзоева под ред. и с предисл. И. М. Оранского, в кн. «Вопросы таджикского языка и литературы», Сталинабад, 1959, стр. 120—129.

[116] В. С. Расторгуева, Среднеперсидский язык, М., 1966.

[117] См., например, И. Орбели и К. Тревер, Шатранг, Книга о шахматах, Л., 1936 (с пер. текста); К. В. Тревер, К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране, ЭБВВИ, стр. 157—160.

[118] См. А. И. Колесников, Иран в начале VIII века, Л., 1970 [=ПС, 22 (85)], и другие работы.

[119] См., например, Н. В. Пигулевская, Юридические памятники эпохи Сасанидов (пехлевийский сборник «Матикан» и сирийский сборник Ишобохта), в кн. «Памяти академика И. Ю. Крачковского», Л., 1958, стр. 163—175.

[120] См. А. Г. Периханян, К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени, ВДИ, 1952, № 4, стр. 13—27; она же, Древнеармянские востаники, ВДИ, 1956, № 2, стр. 44—58.

[121] А. Г. Периханян, Образец пехлевийского брачного контракта, СЭ, 1960, № 5, стр. 67—75. Ср. также D. N. MacKenzie and A. G. Perikhanian, The Model Marriage Contract in Pahlavi with an Addendum (Separata from K. R. Cama Oriental Institute Golden Jubilee Volume, Bombay, 1969).

[122] А. Г. Периханян, Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ имени А. С. Пушкина, ВДИ, 1961, № 3, стр. 78—93.

[123] См., например, A. Perikhanian, On Some Pahlavi Legal Terms, Henning MV, стр. 349—357.

[124] См., например, А. Г. Периханян, Armeno-Iranica, I, «Известия АН АрмССР, Общ. науки», 1965, № 11, стр. 89—94; A. Périkhanian, Sur arm. PANDUXT, REArm, VI, 1969, стр. 1—14; Notes sur le lexique iranien et armenien, там же, V, 1968, стр. 9—30, и другие работы.

[125] Fr. Rosenberg, Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg 1914—1915), I. Fragment d'un conte, ИРАН, XII, 1918, стр. 817—842; II. Fragment d'un sūtra, ИРАН, XIV, 1920, стр. 399—474; он же, Un fragment sogdien-bouddhique du Musée Asiatique (Kr. IV Soghd. 4), «Известия АН СССР», VI сер., т. XXI, 1927, стр. 1375—1398.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

статей и рецензий, посвященных памятникам согдийского языка и письменности из Синьцзяна [126]. Работы по изучению согдийских (и других среднеиранских) рукописей из Восточного Туркестана, хранящихся в Институте востоковедения АН СССР, продолжает в настоящее время А. Н. Рагоза [127].

§ 14. *Согдийские документы с горы Муг.* Важнейшим этапом в развитии согдологии была находка, дешифровка, интерпретация и публикация согдийских документов с горы Муг (верховья Зерафшана, Таджикская ССР) — первых памятников согдийского языка, происходящих с территории собственно Согдианы. После первых находок согдийских документов на горе Муг туда была направлена в 1933 г. возглавленная А. А. Фрейманом экспедиция, добывшая целую коллекцию уникальных памятников согдийского языка и письменности (на коже, бумаге и на дереве), относящихся к первой четверти VIII в. Доклады и сообщения А. А. Фреймана о найденных в Таджикистане согдийских документах, а также вышедший вскоре в свет «Согдийский сборник» (1934) с описью документов и первыми результатами их дешифровки [128] открыли этап в развитии согдологии. Начатая А. А. Фрейманом работа по дешифровке и публикации согдийских документов с горы Муг была продолжена в конце 50-х — начале 60-х годов его учениками — О. И. Смирновой, М. Н. Боголюбовым и В. А. Лившицем. Работы советских ученых, посвященные публикации этих документов, были собраны в 60-е годы в трех выпусках серии «Согдийские документы с горы Муг» [129], представляющей вместе с факсимильным воспроизведением [130] полное издание этой коллекции.

Открытие и публикация документов с горы Муг (частная и дипломатическая переписка, юридические и хозяйственные документы, согдийский календарь и т. д.) сыграли и продолжают играть выдающуюся роль в исследованиях по истории и истории культуры Средней Азии, по согдийскому языку и письменности, по иранскому языкознанию в целом. Анализ этих документов даст, в частности, много нового для понимания политической истории Согда и социальной структуры согдийского общества, социальной иерархии, различных категорий несвободного населения, экономики, быта, дворцового хозяйства, административного устройства, налоговой политики, брачного права, взаимоотношений среднеазиатских владетелей периода арабского завоевания и т. п. [131]

15. *Эпиграфика, палеография, нумизматика.* Находки на горе Муг стимулировали новые археологические экспедиции в область древнего Согда, дали новую жизнь

---

[126] Ф. А. Розенберг, Согдийские «старые письма». К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии, «Известия АН СССР, VII сер., Отд. общ. наук», № 5, Л., 1932, стр. 445—469, и другие работы (см. прим. 9).

[127] См. А. Н. Рагоза, К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана в Рукописном отделе ЛОИНА АН СССР, ПИКНВ II, стр. 10; она же, Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения АН СССР, ПИКНВ V, стр. 23—26; она же, Письмо правительницы Арка, ИФ (А. Н. Болдыреву), стр. 36—38; она же, Согдийские фрагменты Saṃghasūtra в рукописном собрании ЛОИВ АН СССР, ПС, 21 (84), 1970, стр. 151—154; она же, Согдийские фрагменты из коллекции С. Ф. Ольденбурга, в кн. «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968», М., 1970, стр. 142—154.

[128] См. А. А. Фрейман, Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане (предварительное сообщение), в кн. «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 7—17; он же, Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных Таджикистанской базой АН СССР, там же, стр. 33—51.

[129] Вып. I. А. А. Фрейман, Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, М., 1962; вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962; вып. III. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой, М., 1963.

[130] «Корпус ираноязычных надписей», ч. II. Надписи селевкидского и парфянского периодов и надписи Восточного Ирана и Средней Азии; т. III. Фотоальбом. Документы с горы Муг, М., 1963.

[131] См. ИТН I, стр. 471 сл.; О. И. Смирнова, Очерки из истории Согда, М., 1970.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

развитию палеографии и эпиграфики Средней Азии, согдийской нумизматики [132]. Начатые А. А. Фрейманом работы в области согдийской эпиграфики и палеографии были посвящены анализу надписей на керамике, на печатях и монетах [133]. В 30—40-е годы работали в этой области также А. Я. Борисов [134] и М. М. Явич [135], а в 50-е годы исследования по согдийской эпиграфике и палеографии были продолжены В. А. Лившицем, К. В. Кауфман и И. М. Дьяконовым, рассмотревшими вопрос о древней согдийский письменности Бухары [136]. Впоследствии В. А. Лившицем были опубликованы также статьи о фрагментарных согдийских надписях на керамике и серебряных сосудах, рассмотрены вопросы о чтении печати на одном из мугских документов, о первой согдийской азбуке [137].

Краткий обзор памятников согдийской письменности, известных к концу 1960 г., дан в «Истории таджикского народа» (ИТН I, 1963, стр. 451—459, 561—564). Из памятников согдийской эпиграфики, открытых в последующие годы, особенно важное значение имеют согдийские надписи с Афрасиаба (городище древнего Самарканда), в том числе надпись в 16 строк согдийского текста. Принадлежащие В. А. Лившицу предварительное чтение и перевод этой надписи опубликованы Р. Н. Фраем [138]. Отметим еще три небольших согдийских документа на дереве, найденных при раскопках Чильхуджры (неподалеку от совр. Шахристана, древняя Усрушана) [139]. Несколько фрагментов керамики с остатками согдийских надписей из раскопок Варахши (Бухарский оазис) воспроизведены в труде В. А. Шишкина [140], упоминаются также единичные наскальные надписи, надписи на сосудах, перстнях, печатях и гирях [141]. О новой согдийской надписи из Монголии сообщили, а затем дали ее публикацию В. А. Лившиц и С. Г. Кляшторный [142].

В области согдийской нумизматики интенсивно работает с конца 30-х годов О. И. Смирнова, исследовавшая многочисленные согдийские монеты и составившая каталог монет, найденных при раскопках древнего Пенджикента [143]. Сведения о ти-

---

[132] См., например, О. И. Смирнова, Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии, СВ, VI, 1949, стр. 357 сл.

[133] См. библиографию работ А. А. Фреймана (прим. 2).

[134] А. Я. Борисов, Эпиграфические заметки, ЭВ, XV, 1963, стр. 54 сл.

[135] М. М. Явич. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите, ТОВЭ, IV, Л., 1947, стр. 205—224.

[136] В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов, О древней согдийской письменности Бухары, ВДИ, 1954, № 1, стр. 150—163.

[137] В. А. Лившиц, Три согдийские надписи, «Известия АН ТаджССР, Отд. общ. наук», вып. 14, 1957, стр. 101 сл.; он же, Согдийский документ В-4 с горы Муг, ПВ, 1959, № 6, стр. 129; В. А. Лившиц и В. Г. Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, ВДИ, 1964, № 3, стр. 165 сл.; В. А. Лившиц, Первая согдийская азбука, ПИКНВ II, стр. 62—64; V. A. Livshitz, A Sogdian Alphabet from Panjikant, Henning MV, стр. 256—263.

[138] См. В. А. Лившиц, Надписи на фресках из Афрасиаба, в кн. «Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии», Л., 1965, стр. 5—7; R.N. Frye, The Significance of Greek and Kushan Archaeology in the History of Central Asia, JAH, vol. I, p. 1, стр. 36—37. См. также О. И. Смирнова, Согд (к истории изучения страны и о задачах ее исследования), ПС, 21 (84), 1970, стр. 143 сл.

[139] См. В. Лившиц, Ӯ. Пулодов, Ҳуччатҳои Чилҳучра, «Садои Шарқ», 1966, № , саҳ. 79—82; У. П. Пулатов, Чильхуджра (к истории культуры Уструшаны), Автореф. канд. дисс., М., 1968, стр. 20—21.

[140] См. В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 66 и рис. 26.

[141] См. Смирнова, Согд..., стр. 128, 144—155 и др.; она же, Очерки из истории Согда, стр. 18—19, 155 сл.; Е. А. Давидович и Б. И. Маршак, Уникальная гиря VI—VIII вв. из Пянджикента, КСИЭ, XXX, 1958, стр. 81—87.

[142] В. А. Лившиц, С. Г. Кляшторный, Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение), ПИКНВ V, стр. 51—54 (см. также С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц, Согдийская надпись из Бугута, «Страны и народы Востока», X, 1971, стр. 121—146).

[143] О. И. Смирнова, О трех согдийских монетах, ВДИ, 1939, № 1, стр. 116—120; она же, Материалы к сводному каталогу согдийских монет, ЭВ, VI, 1952, стр. 3—45; она же, Каталог монет с городища Пянджикент (материалы 1949—1956 гг.), М., 1963; она же, Нумизматические заметки, ЭВ, XVIII, 1967, стр. 34—40 и другие работы.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

пах согдийских монет и об их легендах могут быть почерпнуты также из новейших сводных работ О. И. Смирновой по истории и историографии Согда [144].

§ 16. *Согдийский язык.* Исследования в области согдийского языка и его истории шли параллельно и в теснейшей связи с дешифровкой и интерпретацией памятников согдийской письменности. Ряд специфических черт фонетического и грамматического строя согдийского языка отмечен А. А. Фрейманом в его работе о согдо-хорезмийских диалектологических отношениях [145]. Языковым особенностям мугских документов посвятил специальное исследование М. Н. Боголюбов [146]. Ему же принадлежит несколько работ в области согдийской грамматики [147]. Грамматическими исследованиями занимаются также А. Л. Хромов [148] и М. Исхаков [149]. Ряд статей, посвященных истории согдийского языка, его лексике и этимологии, был опубликован А. А. Фрейманом и его учениками [150]. Топонимические термины мугских документов были исследованы О. И. Смирновой, восстановившей на основании этих документов карту верховьев Зерафшана начала VIII в. [151] Согдо-ягнобскими диалектологическими отношениями занимались С. И. Климчицкий (отчасти в связи с топонимикой) [152], М. Н. Боголюбов [153], В. А. Лившиц [154], А. Л. Хромов [155].

---

[144] См. О. И. Смирнова, Очерки из истории Согда, М., 1970, стр. 155 сл.; она же, Согд..., стр. 123, 130—131 и др. (здесь же обзор работ по согдийской нумизматике).

[145] А. А. Фрейман, Согдо-хорезмийские диалектологические отношения, СВ, IV, 1947, стр. 157—170; Хорезмийский язык, I, М — Л., 1951, стр. 26—41.

[146] М. Н. Боголюбов, Согдийские документы с горы Муг (языковые данные), М., 1960 (XXV МКВ). См. также «Согдийские документы с горы Муг...», вып. III, М., 1963, стр. 16—23.

[147] М. Н. Боголюбов, Именное предложение и связка, «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. VII, вып. 4, 1948, стр. 350—352; он же, Прошедшее время с морфемой «'z» в согдийском языке, «Вестник ЛГУ», 1960, № 14, стр. 140—141.

[148] См. А. Л. Хромов, Способы выражения комитативного отношения в согдийском языке, ИФ VI (тез.), стр. 34—36.

[149] М. М. Исхаков, Глагольные формы в согдийских документах с горы Муг, НАА, 1970, № 6, стр. 103—111.

[150] А. А. Фрейман, К этимологии согдийского Дēваштӣч, «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. XI, вып. 5, 1952, стр. 461—462; О. И. Смирнова и М. Н. Боголюбов, О согдийском Дēваштӣч, СВ, 1955, № 3, стр. 142—143; М. Н. Боголюбов, Несколько иранских этимологий в кн. «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 104—105, 106—108; О. И. Смирнова, К имени согдийского ихшида Тукаспадака, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XVII, 1953, стр. 205—210; она же, О титуловании согдийских правителей, ДМ, 1962, стр. 393—398; она же, К имени наследников бухарского дихкана Хӣна, ИФ (А. Н. Болдыреву), стр. 38—40; К. В. Кауфман, Некоторые вопросы истории согдийского языка, «Труды Ин-та языкознания АН СССР», VI, 1956, стр. 459—498; В. А. Лившиц, Согдийские слова в таджикском языке, «Известия АН ТаджССР, Отд. общ. наук», № 12, 1957, стр. 31—43; И. М. Оранский, Этимологические заметки, там же, стр. 79—82.

[151] О. И. Смирнова, Карта верховий Зеравшана по мугским документам (XXV МКВ. Пер. на франц. яз.: O. I. Smirnova, La carte des regions du Haut Zerafchan d'apres les documents du Mt. Mough, Moscou, 1960). То же в кн. «Труды XXV МКВ», т. II, 1963, стр. 329—337.

[152] См. С. И. Климчицкий, Название Согдианы в топонимике Таджикистана, «Записки Ин-та востоковедения», т. VI, 1937, стр. 9—13; он же, Ягнобско-согдийские соответствия, там же, стр. 15—25.

[153] См. М. Н. Боголюбов, Ягнобский (новосогдийский) язык, Автореф. докт. дисс., Л., 1956; он же, Согдо-ягнобские диалектологические отношения, «Материалы I Всесоюз. конф. востоковедов. Ташкент, 1957», Ташкент, 1958, стр. 837; он же, Ягнобо-согдийские диалектологические отношения, «Вестник ЛГУ», 1957, № 8, стр. 111—113.

[154] См. согдийские соответствия к ягнобской лексике, приведенные в кн. М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, Ягнобские тексты. С приложением Ягнобско-русского словаря, сост. М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957, стр. 217—370.

[155] А. Л. Хромов, Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана, Автореф. докт. дисс., Душанбе, 1970.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

§ 17. *Памятники согдийской письменности как источники по истории литературы.* В качестве источника по истории персидской и таджикской литературы и устного народного творчества использовали согдийские материалы Е. Э. Бертельс, И. С. Брагинский, К. В. Кауфман и другие авторы [156].

ПАМЯТНИКИ ХОРЕЗМИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ХОРЕЗМИЙСКИЙ ЯЗЫК (§§ 18—19)

§ 18. *Изучение арабографичных хорезмийских глосс.* В 1936 г. в распоряжении советских исследователей оказалось арабоязычное сочинение XIII в. с хорезмийскими глоссами — важнейшим источником для изучения хорезмийского языка. Исследования содержащегося в этих глоссах языкового материала, начатые в конце 30-х годов А. А. Фрейманом, были изданы впоследствии отдельной книгой [157] — трудом, вернувшим, по словам рецензента, к жизни, казалось, навсегда ушедший хорезмийский язык [158] и установившим его родственные связи с другими восточноиранскими языками. Работы по исследованию хорезмийского языкового материала, дошедшего до нас в арабской графике, были продолжены в последующих статьях А. А. Фреймана и в ряде статей М. Н. Боголюбова.

§ 19. *Изучение письменных памятников домусульманского Хорезма.* Открытие и введение в научный обиход памятников древнехорезмийской письменности связано главным образом с работами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, проводившимися с 30-х годов нашего века под руководством С. П. Толстова. Советскими учеными были привлечены к исследованию легенды на монетах шахов древнего Хорезма, надписи на керамике, на серебряных чашах, документы из раскопок Топрак-Калы и надписи на оссуариях из некрополей Ток-Калы и Миздакхана.

Первые работы по изучению монетных легенд принадлежат С. П. Толстову, предпринявшему опыт реконструкции на их основе древнехорезмийского алфавита и давшему чтение титулов хорезмийских царей [159]. В настоящее время предложены новые чтения монетных легенд, позволяющие составить представление (хотя и не полное) о правящей династии домусульманского Хорезма [160]. Анализ легенд на хорезмийских монетах позволил С. П. Толстову идентифицировать алфавитные знаки этих легенд с алфавитными знаками надписей на нескольких серебряных сосудах, определенных им как хорезмийские. Им же была предпринята первая попытка чтения этих надписей [161]. Вопрос о хорезмийских надписях на торевтике затрагивался также В. А. Лившицем, отметившим, в частности, что, по палеографическим данным, эти надписи должны быть отнесены ко времени гораздо более позднему, чем III—IV вв. н. э. [162] Некоторые из этих надписей содержат, как выяснилось, даты, и, согласно выкладкам В. А. Лившица, должны быть отнесены к VI—VIII вв. н. э. [163]

В 1948—1949 гг. при раскопках Топрак-Кала был обнаружен архив хорезмийских документов, из которых, по сообщению С. П. Толстова, сохранились лишь 18 документов на дереве и 8 крупных фрагментов на коже (большая часть документов уцелела

---

[156] Бертельс, История персидско-таджикской литературы..., стр. 69—72; И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956, стр. 207—215; К. В. Кауфман, Согдийский извод сказания о Рустеме и «Шах-намэ», Фирдоуси, ИФ (А. Н. Болдыреву), стр. 58—62.

[157] А. А. Фрейман, Хорезмийский язык. Материалы и исследования, I, М.—Л., 1951.

[158] См. М. Н. Боголюбов, ВЯ, 1953, № 6, стр. 147—151.

[159] См. С. П. Толстов, Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 190—191; он же, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 120—145; он же, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 187—192, и другие работы.

[160] В. А. Лившиц, Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма, ПС, 21 (84), 1970, стр. 166—167.

[161] См. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма..., стр. 130—144; он же, Древний Хорезм, стр. 192—194.

[162] См. Лившиц, Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи..., стр. 159 сл.

[163] См. Лившиц, Хорезмийский календарь..., стр. 162, 165.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

лишь «в виде отпечатков на глине завала») [164]. Публикация и исследование этих документов, начатые С. П. Толстовым [165], были продолжены В. А. Лившицем [166]. Как выяснилось, недатированные документы на дереве представляют списки домов-семей (BYT'), составленные, по-видимому, в целях налогового обложения; датированные (по неизвестной эре) документы на коже были определены как административно-хозяйственные описи или реестры, фиксирующие поступления продуктов (муки, вина и пр.). С. П. Толстов относит эти документы к III—IV вв. н. э., В. А. Лившиц — к II—III вв. н. э. (к периоду не позднее середины III в. н. э.) [167].

Важные результаты получены в ходе исследования хорезмийских надписей на оссуариях, обнаруженных при раскопках некрополей Ток-Кала и Гяур-Кала (Миздахан) и датируемых VII—VIII вв. н. э. [168] Наличие в этих датированных (по неизвестной эре) надписях названий месяцев и дней (в терминах зороастрийского, «мидоавестийского» календаря) дало В. А. Лившицу возможность сопоставить их с названиями, зафиксированными в «Хронологии» Бируни; им же выдвинуто положение о наличии в древнем Хорезме особого летосчисления, начало которого приходится на 10—20-е годы н. э. и которое отражено во всех датированных памятниках древнехорезмийской письменности [169]. Надписи на оссуариях, как и упомянутые выше списки домов-семей из архива Топрак-Калы, дают исследователям также важный материал для изучения социальной и религиозной терминологии и ономастики древнего Хорезма [170].

Советскими учеными (С. П. Толстов) опубликованы также фотографии и опыт чтения ранних хорезмийских надписей на керамике, относимых С. П. Толстовым к IV—II вв. до н. э. и В. А. Лившицем ко II в. до н. э.—I—III вв. н. э. [171] Эти фрагментарные надписи в сопоставлении с более поздними памятниками хорезмийской эпиграфики дают материал для суждения о путях развития хорезмийского письма, особенностях палеографии и т. п.

§ 20. *Памятники парфянской письменности и парфянский язык.* Советские исследования в области памятников парфянской письменности были вызваны к жизни находками (1948—1949 гг.) при археологических работах на городищах Старая и Новая Ниса (древняя столица парфянских царей неподалеку от совр. Ашхабада) многочисленных остракa с хозяйственными записями. Изучение этого материала,

---

[164] См. «Труды Хорезмийской арх.-этн. экспед.» (далее — ТХАЭЭ), т. II, М., 1958, стр. 208.

[165] См. СЭ, 1957, № 4, рис. 3 и стр. 32—33, прим. 4 и 5; ТХАЭЭ, т. II, стр. 208—211 и рис. 97; С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 215 сл.; он же, Датированные документы из дворца Топрак-Кала и проблема «эры шака» и «эры Канишки», ПВ, 1961, № 1, стр. 54—71.

[166] В. А. Лившиц, Хорезмийские документы из Топрак-Калы, ИФ II (тез.), стр. 47—48.

[167] См. Толстов, Датированные документы..., стр. 54—71; он же, По древним дельтам..., стр. 215 сл.; Лившиц, Хорезмийский календарь..., стр. 165.

[168] См. С. П. Толстов, В. А. Лившиц, Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала, СЭ, 1964, № 2, стр. 50—69; S. P. Tolstov, V. A. Livshitz, Decipherment and Interpretation of the Khvarezmian Inscriptions from Tok Kala, «Acta Antiqua» (Budapest), т. XII, fasc. 1—2, 1964, стр. 231—251. Описание оссуариев из некрополя Ток-Калы (с воспроизведением росписей и надписей) см. в кн. А. В. Гудкова, Ток-Кала, Ташкент 1964, стр. 85 сл. и табл. I—XVII. Чтение надписей на оссуариях из Миздакхана см. В. А. Лившиц, Хорезмийские надписи на оссуариях с некрополя Миздакхана (в кн. В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов, Некрополь древнего Миздакхана, Ташкент, 1970, стр. 247—252).

[169] См. Лившиц, Хорезмийский календарь..., стр. 164 сл. Ср. V. A. Livshits, The Kwarezmian Calendar and the Eras of Ancient Chorasmia, «Acta Antiqua» (Budapest), т. XVI, fasc. 1—4, 1968, стр. 433—446.

[170] См. А. В. Гудкова, В. А. Лившиц, Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-Калы и проблема «хорезмийской эры», «Вестник Каракалпакского фил. АН УзбССР», 1967, № 1, стр. 13—14.

[171] См. СЭ, 1957, № 4, стр. 47; ТХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 176, рис. 74—75; Толстов, По древним дельтам..., стр. 130 и рис. 69; Гудкова, Лившиц, Новые хорезмийские надписи..., стр. 16—18; Лившиц, Хорезмийский календарь..., стр. 162.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

начатое М. М. Дьяконовым, И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем [172], было продолжено после кончины М. М. Дьяконова (в 1954 г.) его коллегами [173]. Изучение остракa из Нисы — в большинстве своем учетных документов виноградарского хозяйства парфянских царей I в. до н. э. — привело исследователей к ряду важных выводов, касающихся сбора царских доходов и, возможно, издольной или арендной платы. В указанных работах рассмотрены вопросы о категориях податных земель, о сборах с отдельных лиц, о практике хранения и учета поступлений, о чиновниках парфянской канцелярии «Старой Нисы», о селениях, административном делении и должностных лицах округи, поступления с которой фиксировались остраконами из Нисы (по предварительным данным, эта округа простиралась приблизительно от совр. Ашхабада до Мервского оазиса). Как показало исследование этого архива, царское аршакидское хозяйство унаследовало (во всяком случае в области терминологии) многие ахеменидские традиции [174]. Особый интерес вызывают извлеченные из этих документов сведения о парфянском календаре и о религии Парфии I в. до н. э. Выяснилось, что парфянские календарные термины (названия дней и месяцев) представляют зороастрийский, так называемый «младоавестийский» календарь; отмечено в документах и большое число зороастрийских имен. Все это (как и некоторые другие данные) указывает, по мнению исследователей, на официальное распространение авестийского зороастризма в Парфии I в. до н. э. и заставляет их поставить вопрос о возможности существования в Восточной Парфии этого времени письменного текста Авесты или по крайней мере отдельных ее частей [175]. Работа над остраконами из Нисы поставила перед исследователями ряд сложных проблем, связанных с интерпретацией среднеиранских текстов в гетерографических системах письма. Эти вопросы рассматривались в ряде перечисленных выше работ и публикаций [176], а также в специальной статье И. М. Дьяконова [177]. Вопрос о языке документов из Нисы (парфянский или арамейский) вызвал дискуссию, в которой принял участие семитолог И. Н. Винников [178]. Надписями на парфянских печатях из древней Нисы занимались М. М. Дьяконов, М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова [179].

Несколько фрагментов керамики с надписями письмом пахлавик, найденных при раскопках городища Старого Мерва, датируются В. А. Лившицем и В. Г. Лукониным I—II вв. н. э. Ими же предложено чтение одной из этих надписей, а также двух

[172] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Документы из древней Нисы (дешифровка и анализ), «Материалы Южнотуркменистанской археол. компл. экспед.», вып. 2, М.—Л., 1951, стр. 21—65; они же, Парфянский архив из древней Нисы, ВДИ, 1953, № 4, стр. 114—130, и другие работы.

[173] И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, О языке документов из древней Нисы, ВДИ, 1956, № 4, стр. 100—113; они же, Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н. э. (образцы документов), ВДИ, 1960, № 2, стр. 14—38; они же, Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы, М., 1960 (XXV МКВ); они же, Новые находки документов в Старой Нисе, в кн. «Переднеазиатский сборник», II, М., 1966, стр. 134—157, табл. II—XVIa (стр. 169—173 — рез. на англ. яз.), и другие работы.

[174] См. Дьяконов, Лившиц, Парфянское царское хозяйство..., стр. 21; они же, Документы из Нисы..., стр. 17—18 и др.

[175] См. Дьяконов и Лившиц, Документы из Нисы..., стр. 23 сл.; они же, Новые находки..., стр. 157, и другие работы.

[176] Особенно подробно в кн. Дьяконов и Лившиц, Документы из Нисы..., стр. 30—66.

[177] И. М. Дьяконов, Интерпретация иранских языков, пользовавшихся гетерографической письменностью, в кн. И. Фридрих, Дешифровка забытых письменностей и языков. Пер. с нем., М., 1961, стр. 190—204.

[178] И. Н. Винников, О языке письменных памятников из Нисы (Южный Туркменистан), ВДИ, 1954, № 2, стр. 115—128; см. также работы, указанные в прим. 173. Аналогичные трудности возникают при решении вопроса о языке (парфянский или арамейский) знаменитого пергамента из Авромана (Авр. III). Последняя советская работа по этому вопросу принадлежит М. Н. Боголюбову (Арамейский документ из Авромана, «Вестник ЛГУ», 1967, № 2, стр. 121—128).

[179] М. М. Дьяконов, Надписи на парфянских печатях из древней Нисы, ВДИ, 1954, № 4, стр. 169—173; М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Оттиски парфянских печатей из Нисы, ВДИ, 1954, № 4, стр. 159—168.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

надписей письмом пахлавик на памятниках торевтики [180]. Небольшую этимологическую заметку посвятил парфянскому языку М. Н. Боголюбов [181]. Е. Э. Бертельс и И. С. Брагинский привлекали памятники парфянской письменности в своих историко-литературных работах [182].

§ 21. *Памятники бактрийского (тохарского) письма. Бактрийский («этео-тохарский») язык.*

Сложные вопросы, связанные с идентификацией языка, называемого в источниках «тохарским», обсуждались в работах В. В. Бартольда и А. А. Фреймана [183]. Первые советские работы, посвященные бактрийской эпиграфике, связаны с краткой надписью на фрагменте погребального хума I—II вв. н. э., найденного в 1951 г. в Душанбе [184]. С начала 60-х годов эти работы были стимулированы открытием знаменитых бактрийских надписей в Сурх-Котале (Северный Афганистан) и в Кара-тепе (Старый Термез). Данные надписей из Сурх-Коталя были привлечены В. М. Массоном и В. А. Ромодиным в их работе по истории Афганистана [185], В. А. Лившицем был предложен опыт перевода большой сурхкотальской надписи на русский язык [186]. Первые сообщения об открытии при раскопках на Кара-тепе бактрийских надписей были опубликованы руководителем раскопок Б. Я. Стависким. Основные работы, посвященные анализу этих надписей, принадлежат В. А. Лившицу, а также работавшему в тесном контакте с советскими исследователями известному венгерскому ученому Я. Харматта [187]. Фрагментированная надпись (остатки двух строк), обнаруженная в 1965 г. рядом с согдийской на фресках Афрасиаба (см. выше. § 15), определена В. А. Лившицем как бактрийская и рассматривается им как образец официальной письменности Чаганиана [188]. Исследованием гемм с кушанскими надписями занимались К. В. Тревер и Б. Я. Ставиский (по коллекции Эрмитажа) [189] и В. А. Лившиц [190], кушанскими и кушано-сасанидскими монетами — В. Г. Луконин, Е. В. Зеймаль и другие исследователи [191]. Краткие сведения о памятниках эпиграфики на бактрийском (а также на согдийском и хорезмийском) языке могут быть почерпнуты из каталога выставки «Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху» (Л.,

---

[180] Лившиц, Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи..., стр. 157—159.

[181] М. Н. Боголюбов, Несколько иранских этимологий. I, Парф. čyd, осет. *цид*, в кн. «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 102—104.

[182] Бертельс, История персидско-таджикской литературы..., стр. 73 сл.; Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии..., стр. 215 сл.

[183] В. В. Бартольд, К вопросу об языках согдийском и тохарском, сб. «Иран» I, 1927, стр. 29—41; А. А. Фрейман, Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке, «Уч. зап. ЛГУ, Сер. востоков. наук», № 128, вып. 3, 1952, стр. 123—135.

[184] См. В. А. Лившиц, Тохарская надпись на хуме, «Доклады АН ТаджССР», вып. VII, 1953, стр. 23—28.

[185] В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 190 сл.

[186] Там же, стр. 192 сл.

[187] В. А. Лившиц, К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе, Кара-тепе II, стр. 47—81 и рис. 22; Я. Харматта, К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе, там же, стр. 32—39; J. Harmatta, The Baktrian Wall-Inscriptions from Kara Tepe, там же, стр. 82—125.

[188] См. Лившиц, К открытию..., стр. 49.

[189] См. К. В. Тревер, Резной аметист из собрания Эрмитажа, СГАИМК, 1931, № 2, стр. 19—23; Б. Я. Ставиский, Хионитская гемма-печать, СГЭ, XX, 1961, стр. 54—56; B. J. Stavisky, Notes on Gem-Seals with Kushana Cursive Inscriptions in the Collection of the State Hermitage, JNSI, vol. XXII, 1960, стр. 102—108, табл. III.

[190] В. А. Лившиц, Cusano-Indica, ЭБВВИ, 1967, стр. 161—171.

[191] См., например, В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, ЭВ, т. XVIII, Л., 1967, стр. 16—33; Е. В. Зеймаль, Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореф. канд. дисс., Л., 1965; он же, Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже, «Труды Гос. Эрмитажа», т. IX, Л., 1967, стр. 55—86, и другие работы.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

1968). Небольшие заметки, посвященные бактрийской и кушанской ономастике, опубликованы Л. Г. Герценбергом и И. М. Оранским [192].

§ 22. *Памятники сакской (хотанской) письменности и сакский (хотанский) язык.* Исследование памятников сакско-хотанского (или хотано-сакского) языка в СССР было начато трудами безвременно скончавшегося индолога В. С. Воробьева-Десятовского, обнаружившего неизвестные ранее листы сакской рукописи «Е». Начатая им работа была завершена М. И. Воробьевой-Десятовской, опубликовавшей факсимиле текста с транскрипцией, переводом и глоссарием [193]. В Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР хранится еще некоторое число фрагментарных сакских текстов, среди них отрывок сакской версии Дхармашарира-сутры (Dharmaśarīra-Sūtra), опубликованный недавно Г. М. Бонгард-Левиным и Э. Н. Темкиным [194]. Очерк хотано-сакского языка опубликован Л. Г. Герценбергом [195].

ДРЕВНЕИРАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (§§ 23—25)

§ 23. *Scytho-Alanica.* Начиная с трудов акад. В. Ф. Миллера изучение скифских языковых материалов стоит в неразрывной связи с изучением истории осетинского языка. В советской науке это направление получило углубленное развитие благодаря трудам В. И. Абаева, восстановившего по скудным языковым данным (имена собственные, племенные названия) в общих чертах картину скифского языка и давшего словарь скифских основ [196]. С изучением скифо-сарматско-аланского языкового мира связан длинный ряд историко-этимологических разысканий В. И. Абаева, вошедших частично в его книгу «Осетинский язык и фольклор» (т. I, М.— Л., 1949), частично в «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (т. I, М.— Л., 1958), частично опубликованных в виде отдельных работ [197].

§ 24. *Изучение языковых отношений между иранскими и неиранскими языками в древнейший период.* Традиционная для русской науки проблема ирано-славянских языковых отношений разрабатывалась в советское время А. А. Фрейманом [198] и особенно В. И. Абаевым, привлекшим к работам по этой тематике свои обширные материалы из области скифо-алано-осетинского языкознания. В разработке проблемы ирано-славянских языковых отношений принимают активное участие советские слависты и индоевропеисты. Работали в этом направлении А. И. Соболевский [199], В. Н. То-

---

[192] См. Л. Г. Герценберг, Кушанский и сакский, в кн. «Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968). Тезисы докладов и сообщений советских ученых», М., 1968, стр. 11—13; И. М. Оранский, К имени бактрийского (?) вождя Κατάνης, ПС, 21 (84), 1970, стр. 155—160.

[193] В. С. Воробьев-Десятовский, Новые листы сакской рукописи «Е», «Краткие сообщ. Ин-та востоковед. АН СССР», XVI, 1955, стр. 68—71; «Сказание о Бхадре (новые листы сакской рукописи «Е»)». Факсимиле текста, транскрипция, пер., предисл., вступ. ст., глоссарий и приложение В. С. Воробьева-Десятовского и М. И. Воробьевой-Десятовской, М., 1965.

[194] Г. М. Бонгард-Левин, Э. Н. Темкин, Отрывок сакской версии Дхармашарира-сутры (Dharmaśarīra-Sūtra), в кн. «Историко-филологические исследования. Сборник статей к 75-летию академика Н. И. Конрада», М., 1967, стр. 247—252. См. также G. M. Bongard-Levin and E. N. Tyomkin, Fragment of the Saka Version of the Dharmaśarīra-Sūtra from the N. E. Petrovsky Collection, IIJ, vol. XI, № 4, 1969, стр. 69—280.

[195] Л. Г. Герценберг, Хотаносакский язык, М., 1965; ср. он же, Язык хотаносакских буддийских памятников, Автореф. канд. дисс., Л., 1966.

[196] См. В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 147—244.

[197] См. В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада, М., 1965 и ряд других работ этого автора (см. прим. 6).

[198] См., например, А. А. Фрейман, Ирано-славянские заметки, «Доклады Российской АН. Серия В», 1924, стр. 47—50.

[199] А. Соболевский, Русско-скифские этюды, «Известия Отд. русск. яз. и словесности Российской АН», т. XXVI, 1921, стр. 1—44; т. XXVII, 1922, стр. 252—332.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

поров [200], сводку относящихся к этой проблематике данных опубликовал в последнее время А. А. Зализняк [201]. Новейшая проблемная работа в этой области принадлежит О. Н. Трубачеву, поставившему вопрос о необходимости учитывать при изучении ирано-славянских языковых отношений фактор древней диалектной расчлененности славянского и иранского (в том числе и скифо-сарматского) языкового пространства [202]. В упомянутых выше работах В. И. Абаева рассматриваются также вопросы ареальных контактов между иранскими и другими языками Европы, в частности финно-угорскими, балтийскими и германскими. Эта проблематика находит свое отражение также в работах В. И. Лыткина, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, М. П. Дадашева и других ученых, занимающихся, в частности, проблемами топонимики [203].

Вопросами ирано-арамейских языковых контактов занимается М. Н. Боголюбов (§ 9), ирано-армянских — А. Г. Периханян (§ 12), ирано-грузинских — М. К. Андроникашвили (§ 9), ирано-индийских — И. М. Оранский и Д. И. Эдельман [204].

§ 25. *Сравнительно-историческое иранское языкознание. Этимологические работы. Работы обобщающего характера.* Древнеиранский языковый материал широко привлекался, разумеется, авторами работ по сравнительно-историческому иранскому языкознанию, по истории и исторической диалектологии иранских языков. Некоторые работы по этой тематике, опубликованные в 20—30-е годы (Ф. А. Розенберг, Б. В. Миллер), отражают распространенные в то время идеи «нового учения о языке» акад. Н. Я. Марра, но уже к началу 50-х годов эти идеи были полностью преодолены, и иранское языкознание продолжало развиваться на основе сравнительно-исторического метода. Наиболее убежденным сторонником сравнительно-исторического метода в иранском языкознании был А. А. Фрейман, последовательно строивший на его основе свою педагогическую и исследовательскую работу и выдвигавший в качестве основной задачи иранского языкознания создание этимологического словаря и сравнительно-исторической грамматики иранских языков. В этом направлении развивалась и развивается работа Л. А. Хетагурова [205], В. И. Абаева (см. §§ 23—24 и прим. 6), О. И. Смирновой [206], М. Н. Боголюбова [207], В. А. Лившица [208], И. М. Оран-

---

[200] В. Н. Топоров, Об одной ирано-славянской параллели в области синтаксиса, КСИС, 28, 1960, стр. 3—11.

[201] А. А. Зализняк, Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода, «Вопросы славянского языкознания», вып. 6, М., 1962, стр. 28—45; он же, О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами, КСИС, 38, 1963, стр. 3—22.

[202] См. О. Н. Трубачев, Из славяно-иранских лексических отношений, в кн. «Этимология 1965», М., 1967, стр. 3—81.

[203] См., например, В. И. Лыткин, О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках, «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, вып. 4, 1951, стр. 385—392; В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962; М. П. Дадашев, Лексические связи германских языков с иранскими, Автореф. канд. дисс., М., 1965; Н. Д. Гарипова и Т. М. Гарипов, Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии (предварительное сообщение), в кн. «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964, стр. 185—189, и другие работы.

[204] См., например, И. М. Оранский, Indo-Iranica I, ПИКНВ VI, стр. 160—163; Д. И. Эдельман, Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков, М., 1968 (рец.: И. М. Оранский, НАА, 1970, № 5, стр. 196—201).

[205] Л. А. Хетагуров, Категория рода в иранских языках, «Уч. зап. ЛГУ», № 20, СФ, вып. I, Л., 1939, стр. 50—97.

[206] О. И. Смирнова, Сложные глаголы с istodan и mondan в таджикском языке и их исторические корни, СВ, V, 1948, стр. 297—304.

[207] М. Н. Боголюбов, К этимологии ваханского вспомогательного глагола тэй-: ту- (быть), «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. VI, вып. 4, 1947, стр. 339 сл.; он же, Персидские слова с xar° и kar° и рыба kara в Авесте, ИФ (А. Н. Болдыреву), М., 1969, стр. 91—92, и ряд других работ (см. §§ 8—9, 16, 18).

[208] В. А. Лившиц, О внутренних законах развития таджикского языка, «Известия АН ТаджССР, Отд. общ. наук», вып. 5, 1954, стр. 87—102, и другие работы (см. §§ 18, 19, 20, 21).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ского [209], С. Н. Соколова [210] и других советских иранистов.

Опыт обобщения накопленного к концу 50-х годов материала, обзор и характеристика памятников древнеиранской письменности в связи с историей и историей культуры ираноязычных народов, а также классификация группы иранских языков на разных этапах ее исторического развития был предпринят на рубеже 50—60-х годов И. М. Оранским [211]. Им же опубликована сводка сведений о памятниках древнеиранской письменности и древнеиранских языках Средней Азии [212]. Обзор иранских (в том числе древнеиранских) языков Средней Азии опубликован также В. А. Лившицем [213]. Новейший обзор иранских (в том числе древнеиранских) языков принадлежит В. С. Расторгуевой [214].

И. М. Оранский

---

[209] И. М. Оранский, Этимологические заметки, «Известия АН ТаджССР, Отд. общ. наук», № 12, 1957, стр. 77—85; он же, О курсе «История персидского и таджикского языков» в системе университетского иранистического образования, ИФ IV, стр. 46—59, и другие работы.

[210] С. Н. Соколов. Огласовка каузативного суффикса в западноиранских языках, «Уч. зап. ЛГУ», № 256, вып. 7, 1958, стр. 147—151, и другие работы (см. § 4).

[211] Оранский, Введение...; он же, Иранские языки, М., 1963.

[212] См. ИТН I, М., 1963, гл. X (стр. 431—463 и 556—565).

[213] См. НСАК, I, М., 1962, стр. 133 сл.

[214] В. С. Расторгуева, Иранские языки (Введение), в кн. «Языки народов СССР», т. I. Индоевропейские языки, М., 1966, стр. 194—211.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ